

ОТЕЧЕСТВО

Вставай, вставай,
однополчанинМИХАИЛ ПЕТРОВ,
ветеран войны

Довелось мне заглянуть в сельский совет ветеранов в Оренбургской области, спросить о судьбе не полученной моим братом Иваном военной награды. Председатель совета Борис Фролов внимательно смотрел на меня во время разговора, а после напомнил: ведь мы с ним однополчане. Пятьдесят пять лет прошло, я его не признал, а он меня вспомнил. Стали чаще видеться, вспоминать боевое прошлое...

Борис Михайлович уже ушёл из жизни. Остался на память его подарок – томик Аксакова. Был и другой дар, посмертный: его семья переслала в Херсон нашему общему однополчанину Александру Воробьеву заметку из местной газеты, которой я откликнулся на смерть Бориса, и у нас с Александром Михайловичем завязалась переписка.

В начале войны его с матерью эвакуировали в наш район, а в сорок третьем вместе со мной призвали на фронт. На войне и после неё он по-видимому, руководил геолого-разведочной партией в Монголии, встречался там с Вячеславом Молотовым – тогдашним послом в этой стране. В последние годы его очень удручало всё, что происходило на Украине, унижало положение ветеранов войны. У него, инвалида второй группы, пенсия была втрое ниже моей, а о путёвках в санатории и пансионаты даже и речи не было. Я писал ему, как для наших ветеранов организовали поездку в столицу в дни празднования Победы. А он мне – как получал юбилейную медаль: из райвоенкомата его послали в областной, оттуда в городской. Выдали из окошка для посетителей – ни торжеств, ни поздравлений, без души и сердца. Больно было и за историческую память: бандеровцы вдруг стали героями. А он помнил, как в сорок пятом в госпиталь, где он лечился, привозили со Львовщины красноармейцев – русских и украинцев – с отрезанными пальцами и выжженными клеймами на спинах – это сделали бандеровцы.

Год назад позвонила его жена, плакала: Александр умер.

Вспоминается ещё один однополчанин: Николай Кузнецов – Герой Советского Союза, участник Парада Победы 1945 и 1985 годов. Его имя носят завод в Волгограде, погранзаезда, лесотехнический институт в Прибалтике.

Переписывался я и с председателем совета ветеранов 263-й Сивашской дивизии Шибановым – он тоже жил в Херсоне. Через него узнал адреса ещё нескольких однополчан. Но он тоже скончался. В прошлом году прервала связь и со следующим председателем совета ветеранов Панковым в Сергиевом Посаде. Иногда перечитываю присланную им книгу стихов «Соль на касках» однополчанина Николая Теличко, теперь жителя Бреста. послушайте его строки-воспоминания о штурме Кенигсберга: «Теперь стоим у моря без опаски! / Свирым ветром Балтики дыша! / И тускло заливая наши каски! / Холодный отблеск соли Сиваша».

Во время войны мы защищали огромную страну и всю её, до последнего уголка, принимали как Родину, а теперь, когда уходят фронтовики, политики вновь спорят о границах...

ТРАДИЦИЯ

Вечный огонь
в Муравейнике

Вот уже второй год в Муравейнике 9 Мая загорается Вечный огонь. В память о тех жителях посёлка, которые погибли во время Великой Отечественной войны.

Это 24 человека. Для крошечного населённого пункта – очень много. Нет, наверное, на карте нашей страны ни одного, самого маленького посёлочка, где не было бы погибших в Великой Отечественной. Конечно, у памятника погибшим наведён порядок, сделано всё, чтобы 9 Мая односельчане могли вспомнить о героях войны, выразить им свое уважение. К сожалению, в посёлке уже не осталось живых ветеранов, участников войны – последний из них умер в прошлом году. Остались труженики тыла, блокадники. Даже в городах живых ветеранов войны можно пересчитать по пальцам.

Начался день с зарницы – для маленьких жителей Муравейника и не только. В команды входили и юноши постарше. Искали с помощью специальных «подсказок» спрятанное Красное знамя. Всё, как в серьёзной военно-разведывательной операции. Победила команда «Призраки» под руководством Максима Багина. Красное знамя было установлено около Вечного огня.

В 14.00 начался митинг. поприветствовал собравшихся депутат Александр Багин. Именно его усилиями и организованы вот уже который год праздники и торжественные мероприятия в Муравейнике. Выступил на митинге и глава Желтинского поселения Сергей Брежестовский.

Короткая официальная часть закончилась самым главным: митингующие зажгли Вечный огонь. Это сделал младший из большой семьи Багиных – Макар Александрович, трёх лет от роду.

Потом были гречневая каша с мясом для всех желающих, чай в самоваре, печенье, конфеты. Отмечать 9 Мая сельчане продолжали до вечера, до салюта. В темноте Вечный огонь горел ещё ярче. Чтобы помнили.

БОЙЦЫ ТРУДОВОГО ФРОНТА | Это были настоящие патриоты страны и Магнитки

ВЯЧЕСЛАВ ГУТНИКОВ

История ММК – история сотен тысяч людей, живущих и ушедших, но оставивших о себе светлую память.

Анна-батрачка

Анна Ивановна Пахомова – ровесница XX века. Родилась в 1900 году в многодетной семье. В её биографии было всё: войны, революции, индустриализация, трудовой героизм.

Казачьи станицы – Пресногорьковская и Звериноголовская – лежали рядом с купеческим городом Курганом, в котором дети из бедных семей нанимались в купеческие семьи прислугой и спасались таким образом от голода.

Девятилетняя Анюта на зиму уходила на заработки. В 16 лет повстречала своего суженого с соседнего казачьего хутора. И вышла за него замуж «убегом», то есть без согласия родителей. Потом, как и полагалось, обвенчались в церкви, упали в ноги к родителям невесты и попросили у них прощения. Тут грянула Февральская революция, а за ней – Октябрьская. Газет в деревнях не было, да и читать умели немногие. В политике – такого слова не слышали – тем более не разбирались.

У Анны, быстро превратившейся в статную женщину, родилось шестеро детей, из которых выжила одна девочка. Дети умирали от простой простуды или от неизвестных заболеваний. Одного ребёнка – девочку – убил по неосторожности пьяный свёкор. Полез на печку, где лежал ребёнок, и нечаянно уронил его вместе с подстилкой.

Раскулачивание

Советская власть победила. Молодёжь потянулась к новой жизни, которая казалась более привлекательной. В 1925 году Анна, будучи членом сельского комитета бедноты, вступила в ВКП(б). В то время она работала в школе сторожем и ушла от мужа, ставшего дебоширом и пьяницей.

В 1929 году началось раскулачивание. Оно коснулось в основном зажиточных крестьян, нанявших работников, а также кулцов и лавочников. Председатель сельсовета, ответственные работники из райцентра привлекли Пахомову к раскулачиванию в качестве понятой. Мероприятие, скажем, было не из приятных: с оружием заходили к богатым, велили собирать их и увозили на телегах в неизвестном направлении.

За соучастие в раскулачивании Анну начали преследовать родственники раскулаченных, угрожая физической расправой. Власть не смогла защитить её, поскольку она сама была частью той власти. Вот и пришлось в январе 1930 года с малолетней дочерью ехать на Магнитострой.

Коксохим
Анны ПахомовойВольнонаёмная
на коксохиме

История свидетельствует, что основная масса первостроителей Магнитки состояла из вольнонаёмных, приехавших за новой жизнью и честным заработком. Были, конечно, спецпереселенцы, то есть раскулаченные, но они составляли всего, по архивным данным, не более 11 процентов от общего числа трудящихся. Легендарная Магнитка построена не на костях раскулаченных, а энтузиазмом вольнонаёмных, среди которых были основатели многих магнитогорских фамилий.

Анна Пахомова, нашедшая для себя «тёплое место», поступила в январе 1933 года в коксохимический цех – так записано в её трудовой книжке – чернорабочей. Тогда при советской власти не прилагали к обретаемому наименованию и называли рабочих своими именами.

По воспоминаниям рабочих тех лет, на сменно-встречных собраниях они свободно высказывали критические замечания по условиям труда и быта на производстве, а сидевшие в президиуме начальник цеха, секретарь партбюро и профорг молча записывали предложения и опасались кого-то преследовать за смелую критику.

В июне 1937 года Анна Пахомова работала тоннельщицей четвёртого разряда. Ей приходилось следить за показаниями приборов, своевременно фиксировать отклонения и ставить в известность руководство. Случались прорывы доменного газа, не имевшего ни цвета, ни запаха, а отравившихся доменным газом быстро выносили на свежий воздух. Несколько раз это случалось и с Пахомовой.

Участница
трудового фронта

Всю Великую Отечественную войну Анна Ивановна проработала тоннельщицей. Это примерно то же самое, что всю войну находиться возле станкового пулемёта «максим».

По законам военного времени требования на ММК к рабочим и служащим были очень высокие.

Не допускались самые мелкие опоздания на работу, разрешалось в случае аврала ночевать на рабочем месте, а также исполнять любую сверхурочную работу. Коксохим в системе ММК работал безотказно.

В 1941 году учеником у Анны Пахомовой трудился Григорий Дорогобид, ставший в 1957 году заместителем директора комбината – начальником коксохимического производства. Школа трудовой жизни для авторитетных руководителей начиналась в рабочем коллективе, о чём они вспоминали потом с гордостью.

В Книге трудовой славы коксохимии об Анне Пахомовой написано: «Работу выполняла уверенно, добросовестно и своевременно. Объявляла благодарности и выделяла денежные премии». Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Трудового Красного Знамени. Орден получила через девятнадцать лет работы на «солнечном» коксохиме.

Высокие награды просто так никому не давали.

Другие награды – медаль «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда» – нашли нашу героиню. На коксохиме она трудилась без перерыва 22 года. В её трудовой книжке остались записи: принята на ММК и уволена на пенсию по возрасту.

На пенсии Анна Ивановна нашла себе достойное занятие. Стала нештатным сотрудником милиции. Помогала ОБХСС бороться с расхитителями собственности и принимала участие в рейдах против спекулянтов на городской барахолке. В детской комнате милиции беседовала с несовершеннолетними правонарушителями из неблагополучных семей.

Когда вмятриваешься в лица людей того поколения, понимаешь, что люди были настоящие.

ПАМЯТЬ | Медаль «За отвагу» разведчику Репину вручал Константин Рокоссовский

ИРИНА КОРОТКИХ

Несколько лет назад накануне Дня Победы напросилась в гости к бывшему фронтовику, подполковнику милиции в отставке Ивану Алексеевичу Репину. Необыкновенный был человек, как и любой фронтовик, сменивший военные погоны на милицеевские. Его нет среди нас, но воспоминания разведчика уникальны, как и его судьба.

Иван Алексеевич потомственный оренбургский казак. В семье было шестеро братьев и три сестры. Накануне войны Иван окончил педагогическое училище и получил диплом учителя физкультуры. Молодому учителю едва минуло 18 лет, но он, как отец и братья, ушёл на фронт добровольцем.

– В Москву прибыли с Севера, через Муром, – рассказывал Иван Алексеевич. – Разместили нас в казармах Суворовского училища, мы тут же стали заниматься строевой подготовкой. Не знали, что готовили нашу часть к ноябрьскому параду.

В кинохронике, запечатлевшей ноябрьское шествие войск, есть кадры бойцов в маскахалатах с лыжами и карабинами. Это солдаты коммунистической добровольческой лыжной бригады, в составе которой мимо мавзолея прошёл и разведчик-лыжник Иван Репин. С Красной площадью бригаду направили на фронт.

– 6 декабря 1941 года войска пошли в наступление в районе Волоколамска, – вспоминал Иван Алексеевич. – От нашего батальона, почти 800 человек, осталось не более взвода – 44 человека... Зима сорок первого была снежной. Немцы отступили, но оставили пулемётчиков. Залегли они за стенами коровника и поливали огнём так, что головы не поднять. Командир батальона вызвал меня и земляка Васю Попову и приказал: огневые точки уничтожить. Снег глубокий, на лыжах не пройти. Где шли, где под снегом ползли. Вынырнешь, подышишь и

От фронтовой до милицеевской передовой

дальше по-пластунски. Зашли в тыл, закидали огневые точки гранатами. Смертниками они были: фашисты приковали их к пулемётам.

За уничтожение огневой точки Иван Репин был представлен к медали «За отвагу». Награду вручал генерал-майор Константин Рокоссовский, только что прибывший на фронт из лагеря: вождь дал «врагу народа» шанс смыть свою вину кровью.

В конце войны на гимнастёрке помощника командира взвода 407-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона Ивана Репина сверкали два ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта».

Иван Репин воевал на Волховском фронте в составе 36-го гвардейского миномётного полка, где на вооружении стояли «катюши». При освобождении Воронежа был тяжело контужен. Отлежавшись в госпитале, вернулся в свой полк.

Иван Репин участвовал в освобождении Днепропетровска, Крюкова, Полтавы, в составе дивизиона гримил Яссы-Кишинёвскую группировку, освобождал города Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии.

– На подступах к Вене было 13 железнодорожных мостов. Немцы оставили один, и он должен был взлететь на воздух лишь после того, как фашисты выведут технику. Нас, разведчиков, выбросили на вражескую сторону. Под проливным огнём перерезали провода. Сапёры стали сбрасывать в реку взрывчатку. Наши катера не подпускали немцев к мосту. Наконец пусковой механизм обезвредили. Фашисты к этому времени отступили от моста километра на полтора. Тогда и пошли наши танки и артиллерия, переправилась пехота. За Вену бились три дня. А

разведка ушла в Альпы... Помню, ночью раздался крик, автоматные и пулемётные очереди. Кинулись кто куда, думали, немцы окружили. Выскочил на улицу. Все бегут, стреляют. Схватил одного: «Славные, вы куда?» «Конеч войне! – кричит. – Победа!» Вздод на радостях все снаряды расстреляли...

14 мая немцы, которые засели в Альпах, капитулировали. Фашисты выбросили белый флаг, но поставили

условие: офицерскому составу сохранить личное оружие – куртки и пистолеты. Было их около семи тысяч. У нас – два мотоцикла с пулемётами, да на БТР по два спаренных пулемёта. Говорю радисту Пете Качкину: «Свяжись-ка со штабом. Доложи обстановку». Размахнулся Петя, чтобы сбросить усы-антенну на ветки дерева, тут и достал его снайпер... Был он единственным сыном. 9 мая отправил матери письмо,

мол, жив, здоров, скоро вернётся. Не судьба... Похоронили мы дружка в чужой земле.

Из большой семьи Репиных с фронта не вернулись двое мужчин. Отец погиб в феврале 1943 года во время прорыва блокады Ленинграда. Брат Александр сложил голову в боях за Львов. Жестоко обошлась судьба с братом Василием. При обороне Севастополя был ранен. Прятался в каменоломнях, попал в плен. Несколько раз бежал из концлагеря. Добрался до Франции, вступил в бригаду народного ополчения. После того как советские войска прошли по улицам Парижа, Василий, как ни проноси его французы остаться, ушёл со своими. Воевал. Демобилизовался в 1947 году, а в 1983 году брата похоронили.

Не думал фронтовой разведчик Иван Репин, что и после войны будет носить погоны. После демобилизации прибыл с молодой женой Антониной из оренбургского посёлка в Магнитку. Предложили работу в милиции, направив на трудный участок – в уголовный розыск. Спустила какое-то время Ивану Алексеевичу поручили организовать новый, Правобережный, райотдел, назначив замначальника РОВД. Впоследствии он возглавлял следственное отделение, был заместителем начальника Левобережного райотдела. Ежедневные сводки с милицеевского фронта требовали концентрации сил, опыта и умений.

– Приходим утром на работу, а у нас за ночь чуть ли не месячная норма грабежей, 40 эпизодов, – вспоминал Иван Алексеевич будни райотдела. – Случилось это в середине пятидесятых. Потерпевшие показали, что сумки, кошельки, кольца отбирала группа парней. Из техники в райотделе – один «газик», перевязанный проволокой и верёвками. Едем на правый берег, опрашиваем людей. Картина

та же: грабители – группа молодых. Подключили шестой и седьмой отделы, участковым дали приметы нападавших. Те – по общепитиям. К концу дня задержали несколько человек. Они выдали дружков. Оказалось, 25 молодцов, работников коксохиммонтажа, возвращались домой после комсомольского собрания. По дороге решили провести эксперимент – смогут ли разбогатеть за одну ночь? О чем шёл разговор на собрании, если после него комсомольцы вышли на большую дорогу, мы так и не выяснили.

С одним из обвиняемых беседовал сам Иван Алексеевич. Парень поначалу запырился. Пришлось разстокать – за чистосердечное признание скостят срок. Скостили до 20 лет строгого режима.

В последние годы службы Иван Репин возглавлял спецкомандатуру – так называемые реабилитационные центры.

– Многие сидели по два-три раза. Они так и не научились работать: пока денег нет, он ещё терпит, тянет лямку. Как получал зарплату, уходил в запой, нарушал режим и возвращался в колонию.

Работа опасная. Один из зеков, разбуянившись, за нож схватился. Иван Алексеевич сжал лезвие в руке и выхватил клинок. Рана оказалась серьёзной – перерезаны сухожилия.

Вспоминая военное прошлое, погибших родных и друзей, фронтовик не мог сдерживать слёз. Несколько месяцев спустя Ивана Алексеевича не стало...

Уходят герои войны, оставляя потомкам воспоминания о событиях великих и трагических. Каждое из свидетельств позволяет в который раз осмыслить, какую силу они одолели. Герои, спасшие мир от коричневой чумы, живы, пока мы помним о них.